

Материалы Архива толедских мосарабов от XII—XIII веков

М. Карась

В советской историографии уже не раз отмечалась неразработанность основных проблем испанского средневековья и прежде всего вопроса о специфике испанского феодализма. Многовековое арабское владычество не могло не наложить глубокого отпечатка на весь процесс исторического развития Испании. Реконкиста сыграла крупнейшую роль в её экономическом, политическом и культурном развитии. Маркс писал: «Местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства»¹. «Медленное избавление от арабского владычества

в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы привело к тому, что полуостров, освободившись вполне, получил характер, совсем отличный от тогдашней Европы: в эпоху европейского Возрождения по своему быту север Испании был готским и вандальским, юг же арабским»².

В ряду других вопросов до сих пор остаётся совершенно неразработанной история кастильского крестьянства, представляющая большой интерес не только для истории Испании. Известно, что Кастилия — именно та область Испании, которая играла в реконкисте ведущую роль.

В настоящее время нашей медиевистике представляется возможность ввести в научный оборот исключительный по своему значению свод документов, освещающий феодальный строй Испании и, в частности, Кастилии. Речь идёт о неисследованном ещё

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 721—722.

² Там же, стр. 719.

в науке собрании документов — Архиве толедских мосарабов от XII—XIII веков³.

Цель настоящей заметки — осветить значение материалов этого архива для изучения весьма мало исследованного периода. Богатство содержания документов и их редкое разнообразие оставляют далеко позади собрания. Эти документы проливают свет на все стороны жизни толедских мосарабов и прежде всего на их социальную и хозяйственную жизнь.

Одно только перечисление тем, освещаемых документами Архива, даёт представление о богатстве их содержания: сельское хозяйство, город, ремесло; вопросы управления, юрисдикции; социальные группировки, рабовладение, церковь, культура и т. д.

Неисчерпаемый материал ждёт здесь исследователя феодального строя Испании. Землевладение и землепользование, положение крестьян, феодальная эксплуатация, классовая борьба нашли в Архиве всестороннее отражение.

В настоящем сообщении невозможно раскрыть все богатства этого замечательного собрания. Мы попытаемся дать лишь краткую характеристику некоторых групп документов, отмечая отдельные вопросы, ими освещаемые.

Архив толедских мосарабов представляет собрание частноправовых документов, регистрирующих разного рода имущественные сделки как между частными лицами, так и между ними и церковными организациями.

Собрание состоит из 1175 документов. Большая часть их — 785 документов — имеет прямое или косвенное отношение к важнейшему церковному учреждению средневековой Испании — толедскому кафедральному собору св. Марии. В архивах собора сохранились не только акты приобретений, сделанных самим собором, но и те документы, которые свидетельствовали о правах различных бывших собственников на их проданное, подаренное, завещанное и т. д. собору имущество. Эти акты — купли-продажи, дарений, залога и пр. — могли служить собору в качестве *titulos de propiedad*. Все они хранились в соборе до образования Толедского исторического архива. Сюда же перешли и 265 документов из другой, не менее богатой и могущественной церковной организации Испании — толедского женского монастыря св. Климента.

Все документы, за редким исключением, написаны по-арабски. Это обстоятельство и явилось причиной того, что Архив в течение нескольких столетий оставался недоступным исследователям. Упоминания о документах, написанных мосарабами по-арабски и хра-

нящихся в Толедо, встречаются уже в начале XVIII века. Однако в это время в Испании не было людей, способных прочесть и перевести их. С течением времени возможность перевода документов Архива всё уменьшалась.

Лишь в XX в., с возникновением испанской школы арабистов, было положено начало изучению Архива. В 1870 г. Архив перешёл в ведение вновь организованного Национального архива в Мадриде.

В 1913 г. издатель настоящего собрания, испанский арабист Анхель Гонсалес Паленсия, был приглашён в Национальный архив специально для составления каталога и подготовки документов к опубликованию. Паленсия собрал и скопировал все 1175 рукописей. Он разбил их на группы по характеру сделок, составил таблицы хронологическую, собственных имён, географических названий; наконец, он прислал каждому документу краткое его содержание на испанском языке. В 1930 г. Архив был издан⁴. На этом дело изучения Архива, насколько нам известно, остановилось. Хотя на Западе знают об его существовании — мы можем судить об этом по рецензиям, появившимся вскоре после издания Архива⁵, — но до сих пор ни переводчика, ни исследователя Архива там не нашлось.

В Советском Союзе издание находится с 1930 года. Один экземпляр его был прислан издателем академику И. Ю. Крачковскому, который, оценив значение Архива, принял меры к тому, чтобы обеспечить перевод этого собрания на русский язык и тем самым сделать его доступным для советской медицинской науки. Перевод документов осуществлён в Восточном институте Ленинградского государственного университета.

Архив толедских мосарабов состоит из 23 групп документов различного содержания: купля-продажа, дарения, обмен, освобождение рабов, поручительства, обязательства, опека, завещания, ссуда, залог, тяжбы, соглашения, брачные контракты, аренда, ценз, разграничение владений, свидетельства о владении (*testimonios de posesion*), разделы имущества, отказы от прав, расписки, ревизия документов и др.

Все зарегистрированные Архивом сделки происходили в Кастилии: в Толедо и окрестных деревнях (большая часть), а также в городах Талавера, Мадриде, Уклесе. Хронологические рамки Архива — 1083—1315 годы. Наиболее ранний документ датирован 1083 г., т. е. написан за два года до реконкисты Толедо, и относится ещё к эпохе арабского владычества в Кастилии. Позднейший документ составлен в начале XIV в.,

³ Мосарабы (*mozarabes*) — романская форма арабского слова *must'arab* — арабизированный. Этим термином в средние века обозначались христиане, населявшие завоёванные мусульманами области Испании и усвоившие арабский язык, быт и другие элементы арабско-испанской культуры, которые они продолжали сохранять после реконкисты.

⁴ Angel Gonzalez Palencia. *Los mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII*, v. I—IV. Madrid, Instituto de Valencia de Don Juan. 1926—1930.

⁵ «*Revista de Occidentales*», VIII, N LXXIV, Junio 1930, p. 392—400; «*Der Islam*», XIX, p. 172—177. 1931; «*Journal Asiatique*», CCXX за 1932 г., стр. 309—325; «*American Historical Review*» за октябрь 1930 г., стр. 112—114.

когда почти весь полуостров был уже отвоеван. Подавляющее большинство документов — оригиналы. Несмотря на значительное разнообразие, имеются общие для всех документов данные, которые мы попытаемся выделить.

Каждый документ, очень содержательный сам по себе, имеет следующую структуру. Прежде всего называются имена участников сделки с указанием происхождения, родственных связей, социального положения, рода занятий, звания, титула и т. д. Затем подробно характеризуется объект сделки — местоположение, границы, размеры и проч. С особой тщательностью отмечаются границы объекта, перечисляются смежные владения, называются имена их владельцев-соседей. После этого обычно указываются мотивы сделки: например, продажа имущества для уплаты долга или для того, чтобы выкупить пленника-христианина, или дарение — за упокой души — и т. д., оговариваются условия сделки, обязательства сторон. Весьма интересны многочисленные обязательства продавца при заключении сделок купли-продажи.

Затем следует апробация сделки родственниками или их отказы от прав на владение; наконец, приводятся *titulos de propiedad*. Последние являются совершенно необходимым элементом сделки: они свидетельствуют о правах продающего на данную собственность. Это акты прошлых сделок — купли-продажи, дарений, обмена, завещаний и т. д. Обычно их несколько в каждом документе. *Titulos de propiedad* сами по себе представляют немалый исторический интерес, среди них иногда встречаются указания на такие документы, как королевские *cartas de poblaciones* или *cartas de repartimientos*. Попутно нельзя не отметить их значение как свидетельств об удивительно быстром обороте собственности (в том числе и земельной) у мосарабов. Нередко в документах приводятся различного рода заявления участников сделки, указываются происхождение денег и стоимость объекта, если это купля-продажа, и т. д. В заключение следуют подписи присутствовавших при сделке свидетелей. Наличие свидетелей являлось необходимым условием любой сделки; об их значении говорит, например, тот факт, что многие документы написаны в форме свидетельства. В каждом документе имеются свидетельские подписи двух родов — арабские и романские. В первое время после реконкисты заметно преобладают арабские подписи. К концу XIII в. количество их уменьшается, однако они сохраняются до последнего документа. Не менее обязательным было присутствие поручителей при заключении таких сделок, как освобождение рабов, «порука», «аренда», а также доверенных лиц при сделках «тяжбы» и «соглашения». Доверенные лица нередко участвовали при сделках купли-продажи: именно через них скупали владения такие организации, как собор и монастырь св. Климента. Их подписи, так же как и подписи поручителей, стоят в конце документа. Для поручителей и доверенных лиц, а нередко и для свидетелей, кроме полного имени, указыва-

ся происхождение, социальное положение, звание и т. д. Эти данные в совокупности с характеристикой участников сделок, их родственников и соседей дают представление о социальной среде, в которой эти сделки производились. Указанные данные позволяют выделить как отдельных лиц, так и целые группы их — семейные, супружеские пары — и проследить их хозяйственную деятельность иногда на протяжении ряда поколений.

В каждом документе, как правило, имеется от одной до трёх юридических формул. Все они по происхождению мусульманские, хотя и применялись к христианскому законодательству. Вообще мы замечаем сильное влияние мусульманского права, без учёта которого многое остаётся необъяснимым. Все документы датированы эрой *Azofar*⁶, т. е. испанской эрой (*era española del latón*). Документ № 206 даёт нам эквивалент: «2 dec. 1189 año de la era nuestro señor Jesus el Mesias» соответствует «2 dec. 1227 año de la era Azofar». Названия месяцев христианские, в арабской транскрипции. Самое слово «месяц» арабское. Лишь в редких случаях указывается день, обычно декада — первая, вторая, последняя. Форма документов повествовательная, однако встречаются и написанные прямой речью, в виде диалога. На обороте почти каждого документа имеется приписка, латинская или романская, кратко, одной фразой, иногда даже одним — двумя словами излагающая смысл документа. Сделана она, повидимому, клириками собора или монастыря при разборе документов в то время, когда арабский язык ещё не был забыт.

Язык Архива сам по себе заслуживает специального исследования. Уже отмечалось, что, за редким исключением, все документы написаны по-арабски. Из 1175 документов 21 написан еврейскими буквами на арабском языке, 1 по-романски и 3 по-латыни. Последние — акты церковных сделок. Это и понятно: латынь оставалась языком клириков. Любопытно, что после латинского все эти документы имеют арабский текст.

Все документы, за исключением еврейских, начинаются традиционной арабской формулой: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного». Терминология, как правило, арабская, даже церковный лексикон не свободен от арабизмов. Так, свидетели кланутся именем «Аллаха великого», христианский священник называется имамом и т. д. Для обозначения короля употребляются три термина: *малик*, *эмир*, *султан*, — все арабские. Например, о короле Альфонсе X Мудром говорится: «*малик*, господин наш, да продлит Аллах победы его» (док. № 990, XIII в.). В тех случаях, когда романскому понятию не находилось эквивалента в арабском языке, прибегали к довольно простому приёму: романское слово изображали арабскими буквами; например, слова «*empera-dor*», «*stiason*», «*camarego*» и др., а также большинство церковных терминов. Впрочем,

⁶ Здесь, как и в дальнейшем изложении, я пользуюсь транскрипцией издателя.

эта закономерность не всегда соблюдалась, нередко отклонения, иногда просто курьёзные. Таково полуроманское, полуарабское слово ал-арджикис (arcipreste), изображаемое арабскими буквами. Любопытное смешение арабского и романского представляет титул архиепископа. Подобные явления весьма характерны для языка Архива.

Толедские мосарабы носили как арабские, так и романские имена. Наиболее интересны двойные имена. Нередко встречаются случаи идентификации имён, причём оказывается, что в обиходе были известны не романские, а арабские имена. Так, некий Педро Хуанес известен как Хусейн ибн Хасан.

Не менее интересны прозвища, часто типично арабские. Некто известен как «Глаза в голове его», некая Альда называется «Альда, которую сглазили». Прозвище третьего лица — «Дирхем с половиной» и т. д. Немалую услугу исследователю оказывает «кунийя» — арабский обывач указывать предков нескольких поколений.

Географические названия, названия улиц, кварталов Толедо, окрестных деревень нередко также арабские. Многие из них и до сих пор живут в испанском языке. Например, слово «агабал» — предместье, квартал (от арабского ар-рабад) и др. Термины юридические, сельскохозяйственные, названия животных, растений, предметов домашнего обихода и т. д. в своём подавляющем большинстве арабские. Всё это является свидетельством того, что толедские мосарабы, как и вся арабская Испания, были двуязычными. Арабский язык они знали так же хорошо, как и романский. С большой лёгкостью они употребляли то арабские, то романские слова и образовывали смешанные. Например, донье Колумба документ, который она собиралась подписать, был прочитан по-арабски и по-романски, «буква за буквой» (док. № 984, 1213 г.). Королевская грамота, написанная по-романски, была ввиду её особой важности «буква за буквой» переведена на арабский язык (док. № 958, 1262 г.). То обстоятельство, что документы написаны по-арабски, свидетельствует о том, что этот язык был официальным даже в начале XIV века.

Но с течением времени арабский язык в народе стал забываться. Приблизительно с середины XIII в. во многих документах свидетельским подписям предшествует фраза: «После того, как им (т. е. свидетелям.— М. К.) перевели документ на язык, который они понимают (т. е. романский.— М. К.), и они заявили, что понимают». Духовенство сохранило знание арабского языка значительно дольше остального населения. Нередко поэтому арабский текст документа переводился только для светских участников сделки.

Ценность настоящего собрания не только в исключительном богатстве содержания документов, но и в редко встречающемся разнообразии их. Для освещения одного и того же вопроса мы располагаем здесь различного рода документами.

Многочисленные документы группы «купля-продажа» выделяются прежде всего чрез-

вычайно интересными и обильными данными, позволяющими судить о характере собственности вообще и, в частности, земельной собственности.

Мы различаем два рода объектов сделок купли-продажи. Это, во-первых, городская собственность — дома, домики, отдельные жилища и т. д., — а также пекарни, палатки ремесленников, лавки (tiendas) для продажи соли, зелени, угля, палатки, торгующие мукой, мясом, рыбой и т. д. Были случаи продажи мастерских, иногда, повидимому, довольно крупных. Продавались дубяльни, бойни, одна из которых принадлежала общине толедских мусульман; постоянные дворы, конюшни, хлевы. Встречаются документы о продаже водокачки, житниц для зерна, маслобойки. Многочисленны случаи продажи дворов или их участков. Вся эта недвижимость являлась полной собственностью её владельцев. Покупатель также получал её в полную, безоговорочную собственность. В отношении городской собственности мы всегда имеем возможность установить, кому принадлежало продаваемое владение.

Гораздо сложнее обстоит дело при определении принадлежности объектов второго рода, т. е. земельной собственности. Территориальной единицей, в которой были расположены эти объекты, являлась деревня — алфегия. В подавляющем большинстве случаев это была земельная собственность: пахотные земли (югер, феддан, участок, «часть»); сады, виноградники, плантации, необработанные, заброшенные, целинные участки; иногда части луга, леса и т. д. Нередко продавались целые хозяйственные комплексы — владения (мульк), «всё, что принадлежит к деревне», часть деревни и т. д.

Продавались сеньории (señorio), права на рыбные ловли и охоту, права на реки, водоёмы, колодцы и каналы, которые имели большое значение, ибо искусственное орошение было необходимым условием разведения интенсивных культур — плодовых и главным образом винограда. Встречаются случаи продажи сельских дворов, мельниц, посева на корню, отдельных фруктовых, тутовых, масличных деревьев и т. д.

Термины, обозначающие земельные владения, свидетельствуют о том, что лица, заключавшие сделки, полностью владели своей земельной собственностью. Это подтверждают и títulos de propiedad, фигурирующие в каждом документе и указывающие на происхождение данного объекта, приобретённого путём купли, по праву плантации или при разделе наследственного владения. Выступающие в таких документах владельцы — полные свободные собственники, неограниченно распоряжающиеся своим имуществом (во всяком случае, ни в одном из документов никаких оговорок мы не находим).

Таких свободных собственников можно без особого труда выделить в каждой деревне. Привлекая другие данные, мы устанавливаем наличие целых свободных деревень или частей деревень. Например (док.

№ 540), продаются два небольших участка пахотной земли в деревне Villaseca, стоимость обоих — всего 14 мискалей. Однако это полная собственность продающего, он унаследовал её от своего отца, а тот — от своей матери, которая получила это владение в приданое, и т. д.; указывается пять поколений владельцев, причём первый получил землю по праву плантации. Продаётся небольшой участок земли в деревне Manzel Razin, а это один из тех участков, которые получил каждый житель деревни, когда король дон Альфонс VIII Император разделил эту деревню между жими.

В документах Архива нередко встречаются указания на такие разделы деревень между крестьянами. Они имели место на протяжении всего периода реконкисты, а главным образом в XI в., как свидетельствуют королевские жалованные грамоты, фигурирующие при сделках в качестве *titulos de propiedad*.

Если мы представим себе специфику исторической обстановки данного периода, смысл реконкисты как колонизационного процесса, нам, возможно, станут ясны корни этого явления. Одной из движущих сил реконкисты были крестьяне. И хотя львиную долю богатств на отвоеванных у мусульман территориях захватывали светская знать и духовенство, всё же и крестьянам доставались, правда, небольшие, но свободные, с правом неограниченной собственности, участки земли. Это явление не было единственным, особенно на первых этапах реконкисты. Здесь, может быть, кроется объяснение того факта, что в некоторых областях Испании, в частности в Кастилии XII—XIII вв., мы находим массу свободных собственников, в то время когда в остальной Европе мелкая свободная собственность давно уже была исключением.

Однако мы видим и другую категорию мелкой собственности. Встречаются случаи продажи владений, не являвшихся полной собственностью продающего: его права на эти владения были ограничены специальными законами — *fueros*⁷. Такие *fueros* могут распространяться на целую деревню. Существуют они в том, что жители данной деревни или отдельные лица обязаны оброком от 1/4 до 1/2 урожая в пользу «хозяев деревни», как они именуются в документах. Крестьянин, находившийся в какой-то степени зависимости, мог продать свой участок, но, как говорится в документах, по обычаю продаж этой деревни, согласно её *fuero*. Так, в деревне Cobisa продажа происходит согласно *fuero* этой деревни, а именно 1/4 часть продуктов — собору св. Марии (док. №№ 147, 235 и др.). То же самое в принадлежавших собору деревнях Manzel, Obaidalah, Alameda (док. №№ 176, 230, 239, 223, 245 и др.).

В деревне Azucueica, принадлежавшей монастырю San Servando, платили 1/4 продуктов (док. №№ 201, 593, 598 и др.), в деревне Torres, где «хозяином» был собор,—

1/4 часть (док. №№ 65, 110 и др.) и т. д. Некоторые документы вообще не называют ни владельца деревни, ни вассалыны оброка, указывая лишь на наличие *fuero* в этой деревне. Необходимым условием было, чтобы и покушающий обязался выполнять это *fuero*, в противном случае сделка не могла состояться. Больше того, житель такой деревни был ограничен в выборе покупателей. В этом отношении для него были исключены целые социальные группы. В документе № 1128 мы читаем: «ни он (продающий.— М. К.), ни кто-либо другой от его имени не имеют права продавать это владение ни *caballero*, ни сыну *caballero*, ни жене *caballero*, ни члену духовного или военного ордена, а лишь человеку его положения, который давал бы собору то, что ему следует, как имеющему право на это владение, согласно *fuero* этой деревни».

Чрезвычайно интересен вопрос о степени зависимости таких крестьян, о характере эксплуатации их феодалами. Надо сказать, что в этом отношении данные документов требуют внимательного изучения. Как мы увидим дальше, подобными же ограничениями сопровождалась и наследственная аренда. Несомненно, что эти крестьяне были людьми лично свободными. Однако во всех случаях, когда имеются указания на *fuero*, мы можем считать, что перед нами неполные собственники.

Хотя у нас нет оснований не доверять документам, однако необходимо относиться к ним с большой осторожностью. Нельзя, например, зачислять в разряд зависимых целиком все те деревни, в которых действовали *fueros* и говорилось, что они из числа деревень собора, монастыря и т. д.

Мы встречаем целый ряд документов, в которых нет никаких указаний на особые условия сделки, а между тем дело происходит в деревнях, где действовали *fueros*. Для примера укажем на уже названную деревню Cobisa. Она из «деревень собора», её жители платят собору 1/4 продуктов. И, однако, не все сделки в этой деревне происходят «согласно *fuero*». В деревне Azana, также из «деревень собора», за 5 мискалей продавался участок земли, бывший полной собственностью владельца («доля»). В документе при этом сказано: «А это один из тех участков, на которые разделена деревня, и расположен он в той её части, где находятся владения собора, рядом с ними» (док. № 175). Было бы неправильно предположить, что все эти деревни целиком принадлежали указанным церковным организациям и что все их жители были зависимыми людьми. Вообще необходимо отметить, что таких деревень, где действовали *fueros*, встречается сравнительно мало. И если исключить все случаи сделок, заключённых согласно *fuero*, а также случаи аренды всех видов, то перед нами оказывается огромная масса свободных мелких и средних собственников.

Из всей массы документов только в одном говорится о крепостных крестьянах. Это дарственная грамота, датированная 1227 годом. Некий Педро Иллан ибн Иллан Исмаель дарит монастырю св. Климента двух

⁷ Так они называются в документах.

вилланов с их наделами и всем, что к ним относится (док. № 764).

Было бы преждевременно в настоящий момент делать какие-либо выводы из указанных выше фактов. Однако всё сказанное как нельзя лучше подтверждает указание Энгельса о том, что кастильские крестьяне не знали крепостной зависимости⁸.

Процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной феодальной собственностью ярко выступает в документах группы «дарения». Среди многочисленных и разнообразных данных, которыми богаты эти документы, мы найдём интересные материалы по вопросу землевладения. В качестве объектов дарения фигурирует как городская, так и сельская собственность, главным образом земельная. Необходимо отметить прежде всего, что многочисленные факты земельных дарений свидетельствуют о наличии свободной земельной собственности. Множество собственников различного социального и имущественного положения, начиная от крупных феодалов и кончая мелкими и мельчайшими собственниками, дарили свои владения. И мы не находим никаких оговорок или ограничений ни в одном из документов этой группы.

В большинстве случаев дарения предназначались церкви, главным образом собору и монастырю св. Климента. Мотивы дарения, разумеется, религиозные. Однако, по существу, эти дарения весьма напоминают нам широко распространённый в Европе того времени прекарий. И здесь нельзя не заметить некоторых специфических моментов: нет никаких указаний на то, что прекарист, получая свою землю обратно (обычно в пожизненное пользование), был обязан платить какой-либо оброк, даже самый умеренный. Документы этой группы, в свою очередь, показывают нам путь, по которым шла мобилизация земельной собственности церковью. Становится понятным, как приобретались те колоссальные земельные богатства, которые являются основой могущества испанской католической церкви. Для иллюстрации достаточно привести следующий пример. На протяжении двух лет 21 человек, жители деревни Veres у Fontes, все свободные полные собственники, дарят свои участки (а это главным образом «доли», полученные их предками от короля дона Альфонса VIII Императора) архиепископу толедскому примату Испании дону Родриго Хименес (док. №№ 748, 749, 750 и 753). Имеется целый ряд дарений, сделанных мелкими собственниками не только духовным, но и светским феодалам. Несомненно, процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной собственностью имел место уже и в то время. Об этом же говорят и документы других групп.

Документы, объединённые в группы под рубриками «освобождение рабов» и «порука» в совокупности с материалами других групп, и в первую очередь под рубрикой «завещания», более или менее отчётливо вы-

являют характерные черты рабовладения этого периода. Существование самого института рабовладения тесно связано со спецификой испанской истории. Источником рабства служила непрерывная война между христианами и мусульманами. Абсолютно все фигурирующие в наших документах рабы — мусульмане. О том, что это пленники, говорит и термин, их обозначающий (асир). В подавляющем большинстве эти рабы — домашние слуги (ремесленники встречаются значительно реже).

Наибольшее количество освобождённых рабов приходится на вторую половину XIII века. Условия освобождения различны, однако самым распространённым является уплата рабом определённого денежного выкупа. Нельзя не отметить, что условия освобождения значительно тяжелее в тех случаях, когда в качестве рабовладельца выступает церковь. В то время как светские рабовладельцы нередко довольствовались формальным актом обращения раба в христианство (крещение), клирики выставляли другое условие освобождения, а именно — барщину. И это понятно. Крупное феодальное хозяйство, каким было монастырское, вводившее в оборот всё новые и новые участки земель (главным образом под виноград), нуждалось в рабочих руках. Так, монастырь св. Климента отпустил на волю трёх рабов с условием, что в течение восьми лет (в других случаях — пять) они обязуются обрабатывать ими же посаженный виноградник, кроме того пятнадцать дней в году они должны были работать на монастырском поле во время жатвы. Через восемь лет они становились свободными, как все свободные мусульмане (док. № 790).

Особо заслуживают быть отмеченными по богатству и разнообразию материалов сравнительно немногочисленные документы группы «завещания». В той или иной мере они касаются всех сторон жизни мосарабов — социально-экономической, политической, религиозной, культурной. Документы этой группы предоставляют редкую возможность учесть всю принадлежавшую данному лицу земельную собственность. Как правило, разделу имущества завещателя предшествует полная инвентаризация всей его собственности, и, таким образом, последняя перестаёт быть для нас «неизвестной величиной». Значение этого обстоятельства становится ещё более понятным, если учесть, что многие из этих собственников являлись участниками других сделок «купи-продажи», «дарений» и т. д. Документы рисуют картину домашнего рабства, свидетельствуя о положении рабов, вольноотпущенников. Немало интересных данных содержит они и для характеристики арендных отношений. При чтении документов этой группы поражает огромное количество пожертвований, крупных и мелких, которые завещатели делали церковным организациям и отдельным представителям клира. Церковь получала многочисленные владения или деньги для приобретения их.

Наиболее полно выступает перед нами бытовая сторона жизни мосарабов — домашний уклад, бытовые и семейные отноше-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 221.

ния, обычаи, образование, культура. Многочисленны данные для освещения таких вопросов, как семейное право и весьма своеобразное право наследования. Документы этой группы ярко отразили историческую обстановку своего времени. В каждом документе мы встречаем упоминание о пленных христианах, на выкуп которых завещались довольно крупные суммы. Нередко завещатель отказывал своему родственнику коня и доспехи для участия в походе против мусульман. Иногда в документах фигурируют и представители феодальной дружины, награждавшиеся за верную службу, и т. д.

Документы, сгруппированные под рубриками «тяжбы» и «соглашения», излагают разного рода сделки, подавляющее большинство которых носит имущественный характер. Они отражают споры и соглашения родственников из-за наследства, кредиторов с должниками из-за неуплаты долга, арендаторов с арендодателями.

Встречаются случаи тяжбы между отдельными представителями клира или целыми церковными организациями, а также последних со светскими людьми. Так, весьма интересна тяжба монастыря св. Климента с наследниками Абдалмелика ибн Харун, жителями деревни Argance, из-за пастбищ в этой деревне.

Документы этих групп дают интересный материал по многим вопросам, дополняя данные других документов. Прежде всего они освещают такие стороны социальной жизни мосарабов, как управление и юрисдикция. В Толедо эти институты тесно переплетались. Достаточно сказать, что функции судьи и правителя соединяло одно лицо — альгвасил-алькальд⁹.

Толедо был одним из наиболее независимых и самоуправляющихся городов Испании. При рассмотрении более чем тысячи документов мы, за исключением одного случая, не встретили данных о вмешательстве короля во внутренние дела города. Отсутствуют также данные о роли графа в управлении городом; упомянутый альгвасил-алькальд управляет всей городской жизнью: он и верховный судья и правитель.

Для юрисдикции мосарабов характерно сильное влияние мусульманского права. В аналогичных арабских институтах мы находим объяснение многим явлениям, не имеющим параллелей ни в христианской Испании, ни в остальной Европе. Документы дают интересные сведения о месте суда, его составе, судопроизводстве.

Все документы архива свидетельствуют о свободном движении земельной собственности у мосарабов. Земля свободно продаётся, дарится, закладывается, делится.

Документы, объединённые в группу под рубрикой «залог», ясно показывают, как в качестве залога фигурировала городская и сельская недвижимость. Неуплата ссуды вела к продаже заложенного имущества с

аукциона или к переходу его в руки кредитора.

Дробление собственности констатируют и документы группы «завещания». Завещатель нередко продавал часть владений, делил их и раздавал по частям родственникам, друзьям, даже слугам и вольноопущенникам, церкви.

Разделом имущества нередко кончались и тяжбы, о чём рассказывают документы групп «тяжбы» и «соглашения». Наконец, группа документов, обозначенная «разделы имущества», свидетельствует, что дробление собственности было обычным явлением. Многочисленные указания на это имеются в документах всех групп.

Среди документов группы «соглашения», однако, имеются два, на которых нельзя не остановиться. Приведу полностью первый документ. «Соглашение между альгвасилом-алькальдом доном Фернандо Матеос и его братом доном Альфонсо Матеос, сыновьями дон Матеос ибн Микаэль ибн Фурон.

Решили братья объединить всё, что принадлежит им обоим в деревне Ajoñin из деревень Толедо, как пахотные земли, так и дворы, дома, голубятни, виноградники, плантации, луга и т. д., а это $\frac{2}{3}$ упомянутой деревни pro indiviso с одной третью её, принадлежащей наследникам их родного брата дон Хуана Матеос.

Согласились не делить владения при жизни, но оставить всё вместе, а после их смерти наследники также не должны ни делить владение, ни отчуждать его, а лишь пользоваться доходами от него.

Договорились, что владения становятся собственностью старшего из братьев, дон Фернандо Матеос, отныне и впредь до дня его смерти. Он будет пользоваться доходами и плодами с обязательством давать своему брату дону Альфонсо Матеос ежегодно в день св. Мартина 100 мискалей. После смерти дон Фернандо (если он умрёт раньше брата) владения переходят к дону Альфонсо, который обязуется ежегодно отдавать своему племяннику дону Альфонсо Фернандес, сыну его брата дон Фернандо, 100 мискалей в день св. Мартина. Если дон Альфонсо умрёт раньше брата, то последний выделяет 500 мискалей для оплаты его завещания.

После смерти братьев всё владение переходит к сыну и наследнику дон Фернандо Матеос, дону Альфонсо Фернандес. Последний, в свою очередь, передаёт владение своему старшему сыну с условием не дробить и не отчуждать его, а лишь пользоваться доходами в течение жизни, после смерти передать владение своему старшему сыну на указанных условиях. И так всегда от старшего к старшему, от сына к сыну, из поколения в поколение по прямой линии.

Если дон Альфонсо Фернандес не будет иметь сыновей и вообще не будет наследников мужчин, то пусть передаст владение дочери, чтобы она оставила его своему старшему сыну или по линии мужчин от старшего к старшему.

⁹ Это объединение функций было узаконено специальным указом короля Альфонса VI после реконквисты Толедо.

Если пресечётся линия наследников Альфонсо Фернандес, то пусть владение перейдёт к их племяннику, сыну их брата доña Хуан Матеос, доña Альфонсо Хуанес, а после него — к его наследникам по прямой линии.

Если пресечётся линия Альфонсо Хуанес, то пусть владение перейдёт к его брату, доña Хуан Хуанес, и его наследникам по прямой линии; если же он не будет иметь наследников, то к следующему брату, доña Гонсальво Хуанес, или к последнему, доña Гарсиа Хуанес, и таким образом завершится объединение владений всех трёх сыновей доña Матеос ибн Микаель ибн Фурон» (док. № 989).

Перед нами соглашение об установлении майората, возникающего, как мы видим, в форме добровольного взаимного обязательства — договора частных лиц. Соглашение направлено против дробления собственности. Пока оно ещё вполне добровольно: в нём участвуют не все владельцы, объединяется не всё имущество, а лишь владения в одной деревне¹⁰. Нельзя не отметить весьма запоздалое появление майората в конце XIII в. по сравнению с остальной Европой, где уже в XI в. этот институт получил широкое распространение.

По характеру аренды все документы можно разделить на три группы. Первая — вечно наследственная аренда. Сохранились только два таких договора, однако указание на наследственную аренду мы встречаем в тексте различных документов. В обоих случаях сдаются участки земли со всеми правами и доходами на вечные времена; плата за первый участок — 6 белых солидов и 3 добрых курицы, за второй — 6 солидов и 2 курицы в год (док. №№ 831, 832). В обоих случаях перед нами бессрочная наследственная аренда с чиншем в денежной форме. Своевременная уплата чинша гарантировалась всем имуществом арендатора. Всё, что арендатор построит на этой земле, становилось его полной собственностью. Он мог продать её, причём право преимущественной покупки принадлежало владельцу земли. Однако в случае, если последний не пожелает воспользоваться этим правом, арендатор мог продать его третьим лицам с условием, что покупающий обязуется платить указанный чинш владельцу земли. И в том и в другом документе сказано: «Не может арендатор продать двор ни caballero, ни донья, ни госпиталю, ни клирику, ни военно-рыцарскому ордену, а лишь лицу того же положения, что и он сам». Интересно, что подобные ограничения уже встречались нам, когда речь шла о продажах «согласно fueros».

Вторая группа — срочная аренда представлена как краткосрочной, так и долгосрочной. Обычные сроки её колебались от двух до шести лет. В одном случае встречается пожизненная аренда, на срок жизни владельца земли (док. № 920).

Что касается алькабалы, то мы находим все три её формы — денежную, натуральную и смешанную, — причём преобладает первая. Натуральная алькабала встречается значительно реже: арендатор платит 6 кахисов доброй пшеницы в год (док. № 916), арендатор платит 10 кахисов в год (док. № 919) и т. д. Лишь в одном случае мы видим смешанную ренту: арендатор платит 6 кахисов пшеницы и 30 мискалей в год (док. № 920).

Однако не так давно издольная форма аренды была господствующей: Об этом свидетельствует термин, которым обозначаются все арендаторы — «мухамис», т. е. арендатор-издольщик, обрабатывающий землю с $\frac{1}{2}$ урожая. Аренда широко использовалась для введения в эксплуатацию новых земель. Практиковалась сдача в аренду целинных и заброшенных участков с условием, что в первый год арендатор не платит алькабалы. В большинстве случаев арендатор получал вместе с землёй и орудия производства — быков, сельскохозяйственные орудия, зерно для посева, солому для животных, чаны для вина и т. д. (док. №№ 904, 910, 918). Иногда это было известной суммой денег для покупки всего, что требуется (док. № 991). В одном случае арендаторам предоставлялось даже жильё (док. № 918). Всё это по истечении срока аренды должно было быть возвращено владельцу.

Обязанности арендатора обычно довольно точно фиксированы в договоре. Арендатор не имел права отказаться от работы или хотя бы части её. В этом случае он терял доходы всего года и продолжал платить алькабалу. Своевременная уплата алькабалы гарантируется всем имуществом арендатора. За каждый просроченный день с него взимался штраф в размере $\frac{1}{4}$ мискаля. Кроме того владелец имел право описать имущество арендатора и продать его с аукциона без судебного постановления. В случае, если дело доходило до суда, право выбора суда принадлежало владельцу (док. № 918). Наконец, от арендатора требовался поручитель, и даже не один. Поручитель обязывался своим имуществом и в случае невзноса арендатором алькабалы должен был платить её за него. И это не было просто формальностью. Имеются факты продажи поручителем своего имущества для уплаты алькабалы за арендатора (док. № 991 и др.).

Большинство арендаторов — крестьяне, очевидно, малоземельные, а может быть, и безземельные, жители той же деревни. Повидимому, все они обрабатывали землю лично, аренда обычно мелкие участки в 1—2 югера. Все арендодатели, встречающиеся в документах, — представители господствующего класса: знать и главным образом духовенство. Последнее использовало весьма энергично: именно оно использовало аренду для освоения новых земель. В тех случаях, когда арендодатель — церковь, условия аренды заметно тяжелее и более тщательно оговорены. Вообще условия аренды были достаточно тяжёлыми для крестьян. Об этом свидетельствует док. № 948, в котором описывается тяжба между арендатором и владельцем земли — клириком. В не-

¹⁰ Мы знаем из других документов, что братья имели недвижимость и в других деревнях.

скольких случаях мы можем предположить субаренду.

Третий, наиболее распространённый и весьма своеобразный вид аренды — плантации. Виноградарство было одной из ведущих отраслей сельского хозяйства толедских мосарабов. Аренда земли под виноград являлась могущественным орудием распространения этой культуры. Под неё главным образом и осваивались всё новые и новые участки.

Наличие заброшенных и необработанных земель было одним из следствий реконкисты. Многие из них когда-то обрабатывались, и необходимо было снова ввести их в оборот. Плантации — это один из главных видов колонизации отвоеванных земель, и не случайно, что именно о них так часто идёт речь в рассматриваемых документах.

Различаются две категории плантаций: *a medio* и *a tercio*. Арендатор получает участок необработанной земли, возделывает её и насаждает виноградник. Через пять лет (иногда шесть), когда виноградник приносил уже плоды, участок делился между арендатором и владельцем земли пополам или на три части; в случаях аренды *a tercio* одна часть — владельцу и две части — арендатору. Однако этот последний вид аренды (*a tercio*) встречался значительно реже. Иногда при разделе виноградника арендодатель выговаривал себе лучшую часть. Участок, полученный по праву плантации, становился полной и неограниченной собственностью арендатора.

Как правило, арендатор не платил алькобалы. Расходы по обработке шли за его счёт. Обычно плоды оставались арендатору, и только в одном документе мы имеем указание, что при разделе виноградника владелец земли получает $\frac{1}{4}$ часть плодов (этот владелец — монастырь св. Климента. Док. № 926). В случае отказа от работы арендатор терял всё, что он вложил в виноградник, лишался права на плантацию и должен был её покинуть. Иногда для обработки виноградников объединялись два арендатора, заключавшие в этом случае особый договор. Они имели одинаковые права: поровну делили плоды, а при окончательном разделе — и землю (док. №№ 924, 925, 926, 927, 933).

Все арендаторы — крестьяне, обрабатывавшие землю своим трудом в надежде получить её в полную собственность. Что касается владельцев земли, то это были представители различных социальных групп и прежде всего духовенство.

Сделанный беглый обзор небольшой части переведённых нами документов, надо надеяться, привлечёт внимание наших историков к этому ценнейшему и исследовательски совершенно неразработанному Архиву.

Советские медиэвисты получают возможность гораздо полнее и глубже изучить жизнь испанской деревни и испанского города в интереснейший период реконкисты, период, наложивший отпечаток на всю последующую историю Испании, на формирование испанской нации.